

ШЕСТЬ СТИЛЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ИРКУТСКА. Часть II: ДРЕВНЕРУССКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ

УДК: 72.03
ББК: 85.113(2)

Меерович Марк Григорьевич

доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор,
Иркутский государственный технический университет,
Иркутск, Россия, e-mail: memark@inbox.ru

Аннотация

Предметом рассмотрения являются стилистические особенности декоративного убранства деревянной гражданской архитектуры Иркутска XVIII–XIX вв. Цель исследования: выделение основных стилей, их характеристика, визуальные примеры, описание специфических черт – наличие декоративных ансамблей, составленных из нескольких стилей, присутствие уникальных композиций, не атрибутируемых по отношению ни к одному из имеющихся стилистических направлений. Методика – фотофиксация, систематизация на основе повторяющихся визуальных характеристик и сопоставления со стилистическими прототипами. Статья имеет постановочный характер, ее результатом является формулировка задач углубленного, тематически сосредоточенного исследования отдельных аспектов генезиса и формообразования декоративного убранства иркутской деревянной архитектуры. Материал статьи может быть использован как основание для уточнения списка объектов историко-культурного наследия Иркутска.

Ключевые слова

деревянный декор, архитектурные стили, деревянное зодчество, архитектура Иркутска

«Древнерусский языческий»

Название «древнерусский языческий стиль» условно и указывает на присутствие в деревянном орнаменте иркутских домов магико-символических элементов, описанных Б.А. Рыбаковым в трудах «Язычество древней Руси» [6] и «Язычество древних славян» [7] (рис. 1).

Если мы рассмотрим верх типичного иркутского оконного наличника, то увидим, что он украшен резным полукругом, расположенным посередине и еще двумя четвертинками кругов по краям (рис. 2).

Б.А. Рыбаков приводит значения подобных языческих религиозно-магических символов [7]. Опираясь на них, можно утверждать, что декоративные элементы в виде полукруга и четверика символизируют небесное светило в трех состояниях ежедневного ритмически повторяющегося цикла солнцехода: восход, полдень и закат (рис. 3).

Наличие архаического знака солнца в нижней части окна объясняется тем, что представления о мире у древних славян имели трехчленную структуру (рис. 4). Согласно этим представлениям, солнце после прохождения по небесной части своего пути спускалось под землю, где омывалось в подземных водах, а затем вновь восходило на небе, чистое и житнетворное. Этими представлениями, кстати, преопределено особое значение в сюжетах древнерусского быта – в вышивке, резьбе на домашней утвари и т.п. – изображений водоплавающих птиц (гусей, уток, лебедей), а также коней – именно они возили солнце в его надземной (кони) и подземной (гуси) частях солнцехода (рис. 5, 6).

Небесная часть, в соответствии с языческими мировоззренческими представлениями,

Рис. 1. Иркутский деревянный декор. Древнерусский языческий стиль (ул. Грязнова, 9).
Фото М. Мееровича

разделялась на два неба – «ближнее», облекающее землю (небосветили воздуха), отделенное от «верхнего» неба голубым куполом «тверди». В «верхнем» обитал Род – верховный повелитель вселенной и распорядитель «хлябей небесных» (запасов воды). На деревянных наличниках иркутских домов мы встречаем знаки дождя (хлябей небесных), изображенные в виде деревянных капель, направленных вниз – к знаку поля.

Помимо знаков воды в декоре встречается еще несколько устойчивых идеограмм. Можно предположить, что это знаки божественной оплодотворяющей силы, обеспечивавшей, по мнению древних, воспроизводство всего живого (в том числе растений, домашних животных и пр.). Эта оплодотворяющая сила представлялась проявлением высшей эманации – «женского семени», обеспечивающего возобновление жизненного цикла. Оно периодически появлялось перед изумленным взором предков в виде возникавших из ниоткуда –

следовательно, чудесным, божественным образом – капель росы. Эти капли трактовались как капли животворного молока, извергнутые на землю богиней плодородия Макошь и именовались «грудями». Они изображаются в виде округлой формы, присущей как каплям росы, так и женской груди. Эти знаки располагаются в верхнем ярусе магически-заговорного декора, соседствуя со знаками дождя, потому что животворная влага – такой же неотъемлемый элемент плодородия, что и солнечная благодать (рис. 7, 8).

Ниже – под знаками хлябей небесных (дождя) и груд в данном типе декора, как правило, располагается один или два прямоугольника или ромба, или плоские

Рис. 2. Знаки солнца на наличнике дома (ул. Марата. 62). Фото. М. Мееровича

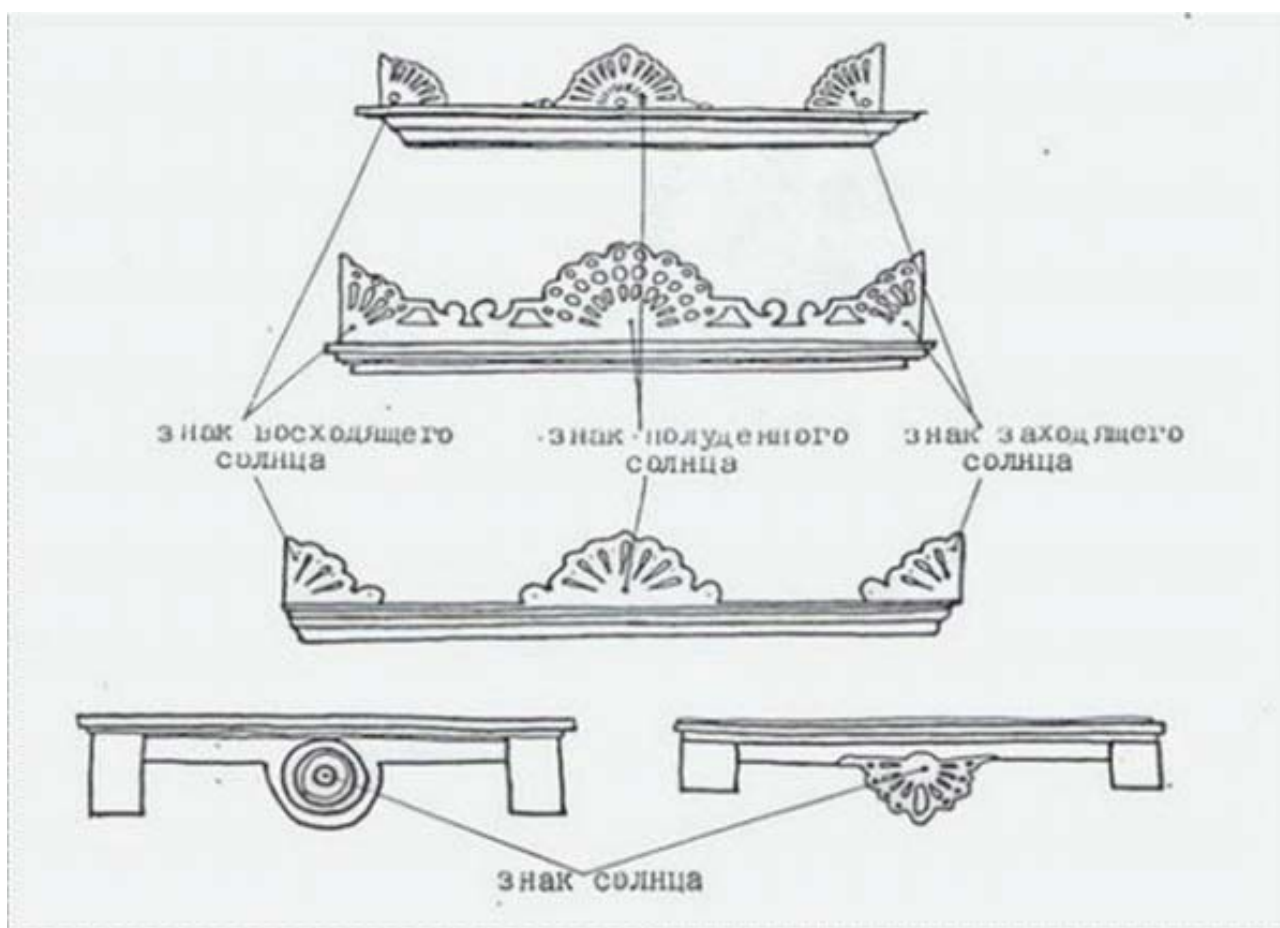

Рис. 3. Знаки солнца в иркутском деревянном декоре. Сост. М.Г. Меерович

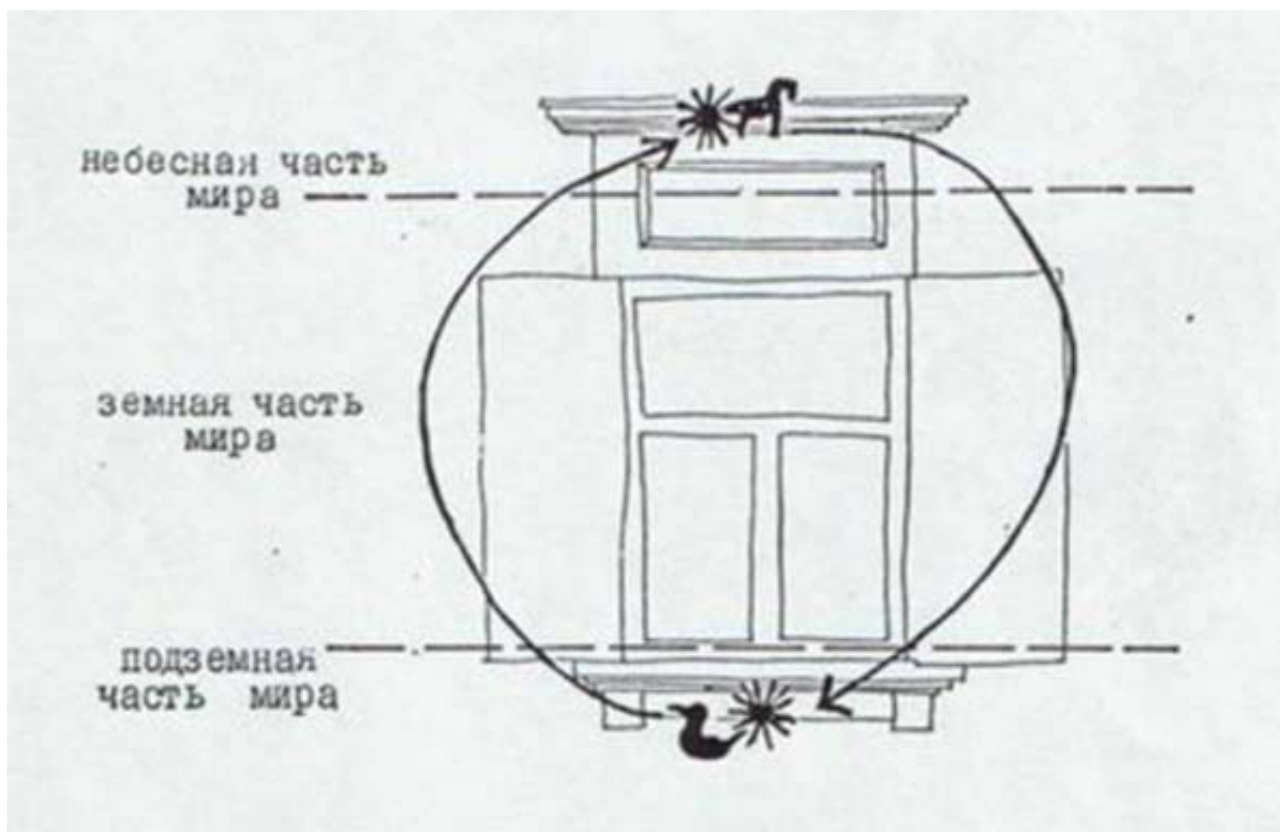

Рис. 4. Трехчленная структура мира и круговорот солнца в представлениях древних славян. Сост. М.Г. Меерович

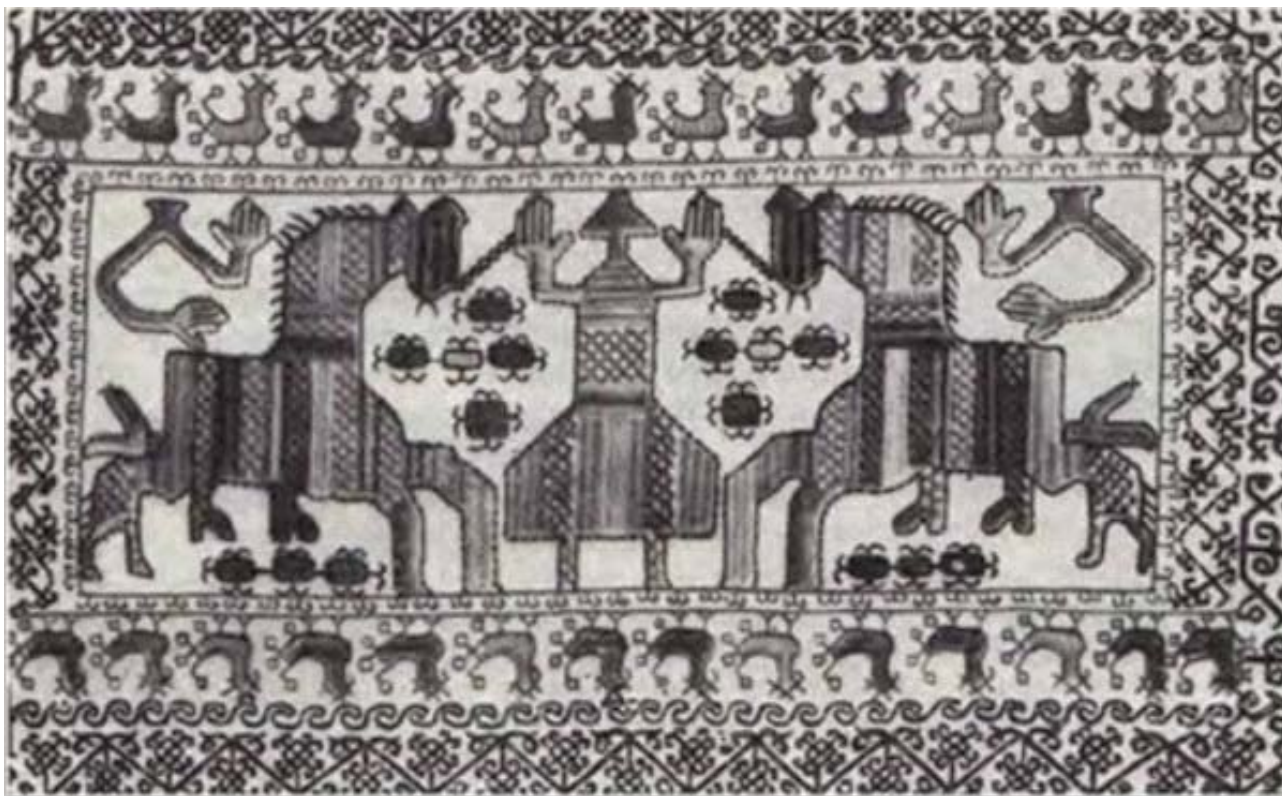

Рис. 5. Традиционный древнерусский мотив вышивки – изображение коней и водоплавающих птиц [7]

геометрические фигуры иных конфигураций. Это знаки поля, причем поля «засеянного» благодаря изображению семени (рис. 9).

Часто над знаками поля, как правило, засеянного (что обозначается за счет размещения значка семени) встречаются знаки прорастающих растений (рис. 10, 11).

Иногда знаки прорастающих растений располагаются рядом со знаком семени, либо в границах знака поля или по бокам от него. Иногда знаки растений вытесняют знак поля, занимая его место (рис. 12).

Постоянство и цикличность солнцехода, регулировавшего жизнь и деятельность людей, необходимость цикличного проявления женского осеменяющего начала – росы, а также дождя, периодически проливающегося на поля и обеспечивающего рост растений и т.п., являлись устойчивыми элементами сюжетов архаической аграрно-мифологической обрядности. Так наши предки просили благосклонности у природы, чтобы получить хороший урожай. Как следствие, все эти архаические символы, выражающие обрядно-мифологические представления наших предков, связанные с земледельческим культом: солнца, воды, семян, поля,

Рис. 6. Изображения коней и водоплавающих птиц, а также знака солнца на бытовой утвари [7]

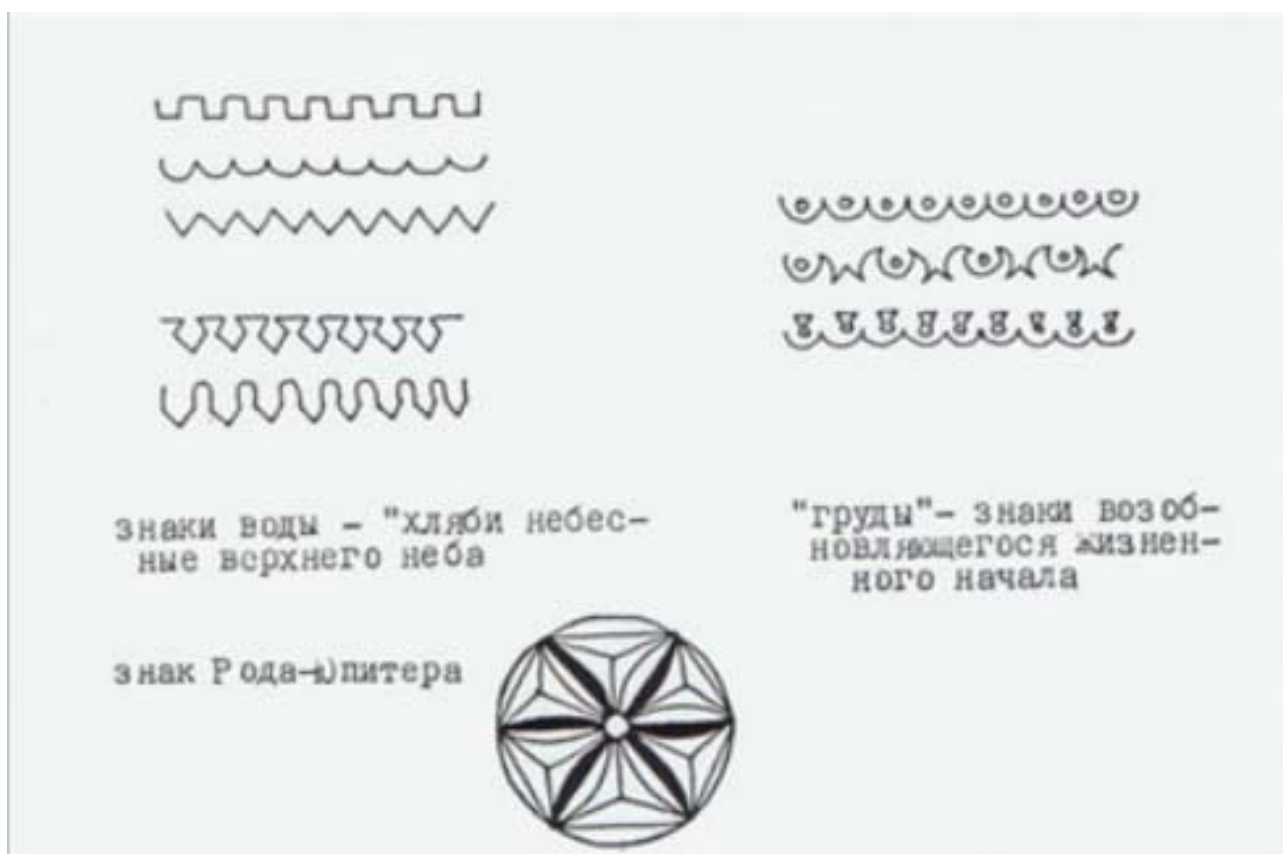

Рис. 7. Знаки дождя и груд в иркутском деревянном декоре. Сост. М.Г. Меерович

Рис. 8. Знаки воды (дождя) и «груды» в декоре деревянной архитектуры г. Иркутска (ул. Кайская, 22). Фото А. Матвеевой

прорастающих растений и т. п. – содержатся в деревянном узорочье древнерусского стиля иркутской деревянной гражданской архитектуры.

Деревянный декор древнерусского языческого стиля – это универсальное образно-идеографическое письмо, элементы которого, несмотря на формальные различия, визуально «читаемы» и легко могут быть поняты даже человеку, не знакомому с русским языком или письменностью. Эти символы несут магико-символический смысл и играют роль оберегов. Сводя их в единую смысловую систему, можно изобразить идеальную схему-модель обережного аргарно-магического декора, располагавшегося вокруг окна (рис. 13, 14).

Некоторые деревянные здания Иркутска являются почти образцовой иллюстрацией этой идеальной схемы. Например, в декоре зданий, расположенных на ул. Грязнова, 9 и ул. К. Либкнехта, 120 (уничтоженного в августе 2011 г. финансово-строительной корпорацией «Новый город»), мы встречаем практически все элементы языческого обережного аргарно-магического декора в полном соответствии с логикой их размещения: а) солнце в трех состояниях: восход, полдень, заход; б) три знака солнца в подземной части,

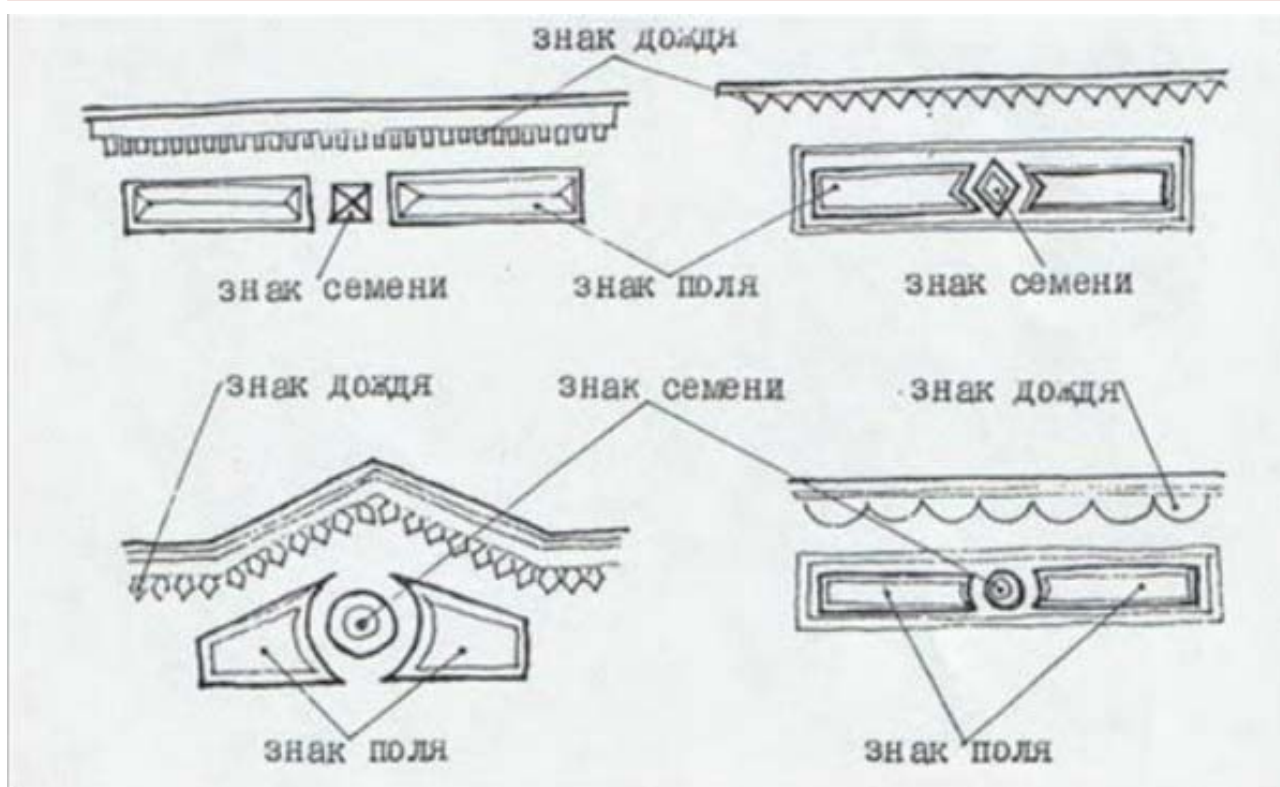

Рис. 9. Знаки поля и семени (засеянного поля) и знаки дождя над ними в иркутском деревянном декоре. Сост. М.Г. Меерович

Рис. 10. Знаки прорастающих растений (ул. Карла Либкнехта, 19). Фото А. А. Матвеевой

Рис. 11. Знаки прорастающих растений над знаком засеянного поля (ул. Грязнова, 9). Фото М. Мееровича

сопровожаемые знаками воды; в) знаки засеянного поля и вокруг него – прорастающих растений; г) знаки дождя над знаком поля и т. п. (рис.15).

Древнерусский языческий декор иркутских домостроений – яркий пример обережного заговора, воплощенного в дереве. Но в отношении него остается много нерешенных вопросов. Например, объяснение магико-символического значения иркутского декора, изложенное

Рис. 12. Знаки дождя (прямоугольные), знаки груд (полукруглые), знаки растений, располагающиеся на месте знака поля (ул. 1-я Красноказачья, 12). Фото М. Мееровича

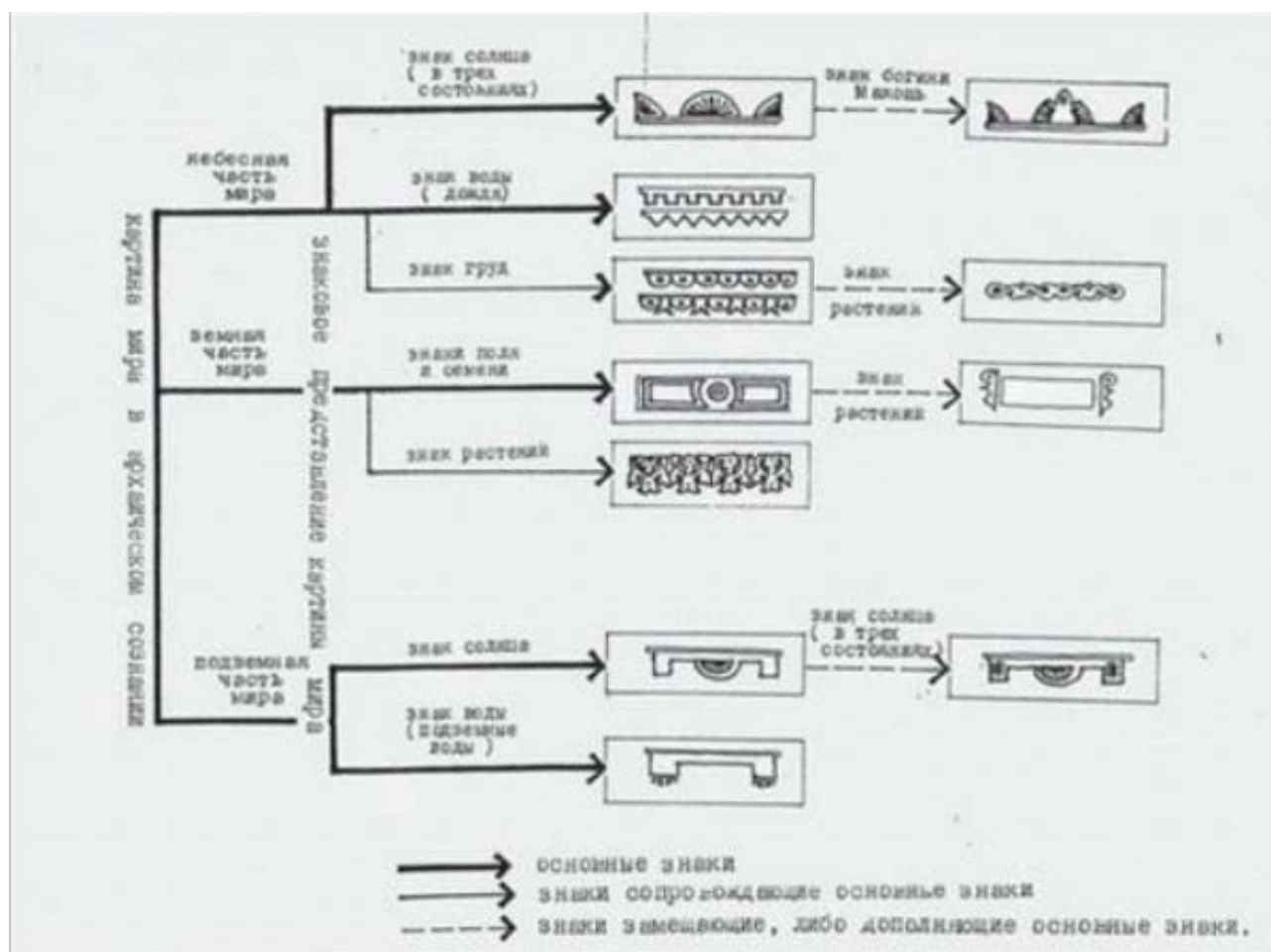

Рис. 13. Идеальная схема-модель обережного аргарно-магического декора. Сост. М.Г. Меерович

в данной статье, основано, как мы указывали, на трудах Б.А. Рыбакова [5, 6, 7], в которых он описал пласт дохристианских верований восточных славян. Однако приведенные интерпретации символического значения деревянного декора основаны исключительно на солнечном культе древних славян. Но ведь существовал еще и лунный культ. Какова возможная трактовка смыслового значения элементов деревянного декоративного убранства, исходя из этой системы языческого мировоззрения?

Также остается неразъясненным вопросом, почему ничего подобного не встречается в других городах европейской части России, хотя известно, что переселенцами именно из этих территорий заселялся Иркутский край в XVI – XVIII вв. Присутствовало здесь

Рис. 14. Идеальная схема-модель обережного аргарно-магического декора, располагавшегося вокруг окна в иркутской деревянной архитектуре XIX в. Сост. М.Г. Меерович

и значительное количество ссыльных. Было много представителей коренного населения – бурят. Обитали, мигранты, именуемые «промышленными». «Как отмечал в 1745 году ученый-натуралист Г.В. Стеллер – участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, некоторое время проживавший в Иркутске, «в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России – с целью обогатиться сравнительно со своим бывшим состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем ... промышленные являются выходцами со всех городов России и Сибири, но большинство из них со временем прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками или гулящими, но здесь они безосновательно получили название «промышленные». Они могут

Рис. 15. Иркутские примеры, наиболее полно воплощающие схему обережного аргарно-магического декора (ул. Грязнова, 9; ул. Карла Либкнехта, 120). Фото М. Мееровича

Рис. 16. Изменение формы солярного знака вследствие утраты обережного смысла декора (ул. Горная, 5а). Фото М. Мееровича

Рис. 17. Изменение формы солярного знака вследствие утраты обережного смысла декора (ул. Горная, 6). Фото М. Мееровича

заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходит компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи» [1, с. 11].

Если описанная выше система древнерусского языческого декора действительно имеет древнеславянские корни и была привнесена в Сибирь в ходе ее колонизации из перечисленных выше русских городов, то почему подобный декор фактически не представлен ни в этих городах, ни в других поселениях, возникавших в Сибири в ходе ее колонизации?

Рис. 18. Исчезновение знака поля в верхней части наличника и замена его на модные рюшечки; лишенное смысла дублирование знака солнца в нижней части окна (ул. Горная, 17а). Фото М. Мееровича

Каков механизм воспроизведения деревянного декора? Мы знаем, что городская гражданская архитектура создавалась артелями плотников, из поколения в поколение методом «по прототипу» воспроизводивших известные им образцы. Безусловно, естественные изменения накапливались, наслаивались. Они размывали и изменяли первоначальный смысл и вид, трансформировали исходные формы. Иркутская деревянная архитектура содержит много примеров подобного «размывания» смыслов, их утраты и, как следствие, изменений и искажения прототипических форм декора (рис. 16, 17).

Со временем развивалась технология плотницких работ. Как следствие, рельефный орнамент сменялся прорезным, а с появлением металлических гвоздей распространение приобрел накладной многоступенчатый декор. Народные мастера, давно позабыв об изначальном обережном смысле декора, скорее всего, лишь привычно воспроизводили традиционные изображения и композиции, а также применяли модные в то время формы и привлекательные художественные мотивы (рис 18).

Рис. 19. Восточный орнамент, выполненный в технике пропильной резьбы (ул. 2-я Железнодорожная, 54). Фото А. Матвеевой

Восточный

В ходе исследования, выполненного студенткой А.А. Матвеевой на кафедре архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета в форме научно-исследовательской дипломной работы по теме «Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражданской архитектуры г. Иркутска начала XVI-

Рис. 20. Восточный орнамент, выполненный в технике скульптурной резьбы (ул. Марата, 41). Фото А. Матвеевой

Рис. 21. Восточный орнамент, выполненный в смешанной технике (ул. Седова, 43). Фото А. Матвеевой

Рис. 22. Навершие наличника восточного стиля, сохраняющего трехчастную структуру прототипического древнерусского декора (ул. Бабушкина, 15). Фото А.А. Матвеевой

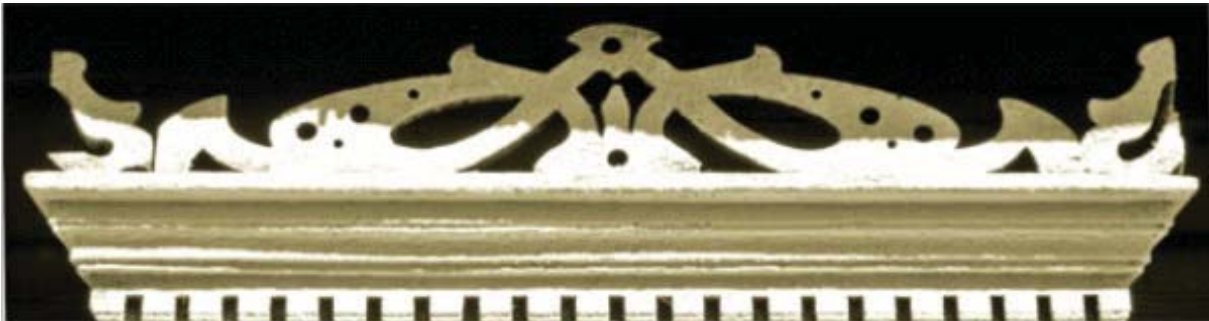

Рис. 23. Сплошное навершие, сохраняющие три композиционных оси, расположенные аналогично древнерусскому прототипу (ул. Кайская, 22). Фото А. Матвеевой

Рис. 24. Сплошная, одноосевая композиция – лучковый карниз с единичным пропильным или скульптурным элементом (ул. Грязнова, 16а, ул. Подгорная, 12). Фото А.А. Матвеевой

Рис. 25. Бурятская орнаменталистика – прототип стилистики элементов «восточного» стиля декора иркутской деревянной гражданской архитектуры XIX в. [3]

прототипического древнерусского декора, изображающую знак солнца в трех состояниях (при этом происходит замена «восточными» элементами знаков древнерусского декора – полукруга и четвертей, имитирующих три состояния солнечного диска: восход, закат и полдень) (рис. 22); 2) со сплошной, неразрывной декоративной композицией, сохраняющей три композиционных оси, расположенных аналогично прототипу древнерусского декора (рис. 23); в) со сплошной, одноосевой композицией (лучковый карниз с единичным пропиленным или скульптурным элементом) (рис. 24).

Во всех случаях восточный стиль в своих художественных формах несет явные черты бурятской орнаменталистики (рис. 25).

Характерный признак восточного стиля декора – появление на фризовой доске на

II – конца XIX в.» [3] среди иркутских деревянных построек было выявлено 35 объектов, несущих «восточный» стиль декоративного убранства. По технике изготовления декора эти домостроения можно разбить на три группы: а) с пропиленной резьбой (рис. 19); б) со скульптурной резьбой (рис. 20), в) выполненные в смешанной технике (рис. 21).

Можно выделить три типа наверший, несущих восточный стиль декора: 1) сохраняющие трехчастную структуру

Рис. 26. Расположение «восточных» элементов на месте славянских. (ул. Грязнова, 16а; ул. Марата, 41). Фото А. Матвеевой

Рис. 27. Восточные элементы декора на подоконных досках (ул. Горького, 14). Фото А. Матвеевой

месте прототипических элементов древнерусского декора (знака поля или засеянного поля) восточных «графических» пропильных или объемных композиций (рис. 26).

Элементы восточного декора, стилистически не характерные для древнерусской системы декоративного убранства, обнаруживаются и на подоконных досках (рис. 27).

Исследуя восточный стиль иркутского декора, необходимо ответить на вопрос, в какой мере связаны формы декоративных элементов фасадов деревянной гражданской архитектуры Иркутска с национальной культурой народов, населявших Сибирь. Или визуальное сходство с образами восточной орнаменталистики – это лишь случайное совпадение? Какие

Рис. 28. Сочетание трех стилей: классицизма, восточного и древнерусского (ул. Марата, 54). Фото М. Мееровича

Рис. 29. Сочетание двух стилей: классицизма и древнерусского (ул. Каландаришвили, 23). Фото М. Мееровича

Рис. 30. Сочетание трех стилей: классицизма, восточного и древнерусского (ул. Карла Либкнехта, 15). Фото М. Мееровича

Рис. 31. Сочетание двух стилей: классицизма и сибирского барокко (ул. Ударника, 5). Фото М. Мееровича

мотивы присутствуют в декоративном обрамлении иркутских окон: бурятские, монгольские, китайские, японские, иные? Какая из восточных культур и по каким причинам оказала наибольшее влияние на формирование восточного стиля иркутского декора? Какие графические, композиционные, художественно-образные черты этой культуры могут рассматриваться как предопределяющие типологию форм одного из стилей иркутской декора? В чем состоит специфика декоративного убранства восточного стиля деревянной гражданской архитектуры Иркутска в отличие от других городов России?

Сочетания нескольких стилей

Характеризуя иркутский деревянный декор, следует подчеркнуть такую его особенность, как сочетания двух, трех и более стилей (рис. 28).

Этот феномен смешения, «переплетения» стилей: двойного (классицизм с барокко, классицизм с древнерусским (рис. 29), классицизм

с восточным и т. п.), тройного (классицизм с барокко и древнерусским, классицизм с древнерусским и восточным (рис. 30) и т.п.) требует своего детального изучения. Необходимо установить период возведения таких построек, сопоставляя кварталы, в которых они находятся, с точно датированными генпланами, и в конечном счете ответить на вопрос: как хронологически протекали процессы: а) появления каждого из описанных стилей, б) привязки образцовых классицистических проектов, в) трансформации и наложения образцовых классицистических проектов на существовавшие к этому времени стилистические ансамбли (восточный, древнерусский), г) смешения стилей и включения в их ансамбли сибирского барокко, появившегося позднее, и т. д. (рис. 31).

Нерешенные вопросы

Феномен декоративного убранства деревянной исторической архитектуры Иркутска требует своего углубленного культурно-исторического и художественно-образного изучения. Он нуждается не только в сборе и систематизации первичного натурного материала и его обобщающем описании, но и в ответе на ряд вопросов, ключевых для понимания процессов появления, усложнения и трансформации как отдельных элементов стиля, так и стилистических систем в целом – кто был «субъектом» декорирования: домовладелец, строители или городские власти, которые согласовывали фасады? Кто конкретно из должностных лиц согласовывал фасады и в чем заключалось содержание этой работы? Как функционировал механизм согласования декора домостроений возводимых без проектов (по типовым «контурам» образцовых фасадов)?

Необходимо выяснить роль профессиональных архитекторов в распространении декоративных форм, в частности иркутского деревянного классицизма; в трансформации прототипов и рассылаемых образцов. Каким образом проекты, выполненные профессиональными архитекторами, влияли на возникновение декора на тех домах, которые

без их участия самостоятельно возводилось артелями плотников? Какое количество домостроений возводились ремесленническими артелями без предварительно разработанных проектов декоративного убранства? Как проекты профессионалов могли влиять и реально влияли на образную составляющую «продуктов труда» артельщиков?

Откуда «народные мастера» заимствовали барочные формы? Откуда они черпали представления о том, каким должен быть стиль «классицистический декор»? Кто учил иркутских строителей пониманию классицизма, каким образом они получали представления о пропорциях, из каких источников «срисовывали» классицистические элементы декора для применения их в своей работе?

Возможно, источником этих знаний была «Контора строения домов и различных ремесел» – главное место подготовки плотницких и столярных кадров в Иркутске [11, с. 4]. Для исчерпывающего ответа на этот вопрос следует изучить содержание процесса теоретической и практической подготовки кадров профессиональных рабочих в «Конторе»: состав учебных предметов (лекционных и практических курсов), их наполнение конкретными знаниями и т.п. Понять, какое место в этих учебных курсах занимали постулаты стиля «классицизм».

Следует также выяснить, изготавливался ли декор «штучно» – для конкретного заказчика, под конкретное строение или «погонажем» впрок (как сегодня изготавливаются и продаются полиуретановые карнизы)? Продавался ли он поштучно и мог ли хозяин просто пойти в лавку и самостоятельно выбрать для себя тот или иной набор элементов, закупив его на свой вкус «метражом»?

Для понимания истоков возникновения, распространения и развития стилей деревянного декора необходимо установить специфику генезиса каждого из них: а) хронологические рамки появления древнерусского стиля, б) причины возникновения иркутского барокко, в) истоки восточного стиля и т.п. В отношении иркутского деревянного классицизма необходимо выяснить, по каким «правилам» и принципам «детали» и «элементы» иркутского классицизма (кронштейны, триглифы, розетки, пальметты и проч.) собирались в единые классицистические композиции. В какой мере постройки иркутского деревянного классицизма соответствовали историческому прототипу? В какой степени и по каким причинам стилистические прототипы трансформировались в зависимости от местных условий? В чем состояли расхождения: а) исходных пропорциональных прототипов, б) местных форм, т.е. в какой мере каноническая схема-модель классицистического декора изменялась в деятельности местных мастеров? Какую роль в трансформации классицистической схемы сыграло отсутствие технологий поточного изготовления сложных элементов (например, изготавливались только те элементы, которые не требовали штучной работы и, как следствие, стоили значительно дешевле)? Был ли классицистический деревянный декор гражданской деревянной иркутской архитектуры конца XVIII – начала XIX в. однороден или в нем можно выявить несколько очевидно специфических разновидностей (подвидов)?

Необходимо на фактическом материале доказать, зависел или нет формально-стилистический характер каждого из стилей декоративного убранства от а) планировочного решения домостроения, б) технологии изготовления декоративных элементов, в) конструктивных особенностей декора? В какой мере и каким образом на формы деревянного декора иркутских домостроений повлияли национальные культуры народов, населявших Сибирь (украинские, белорусские, польские, еврейские, иные)? Влияние какой из культур прослеживается в иркутском барокко, иркутском классицистическом декоре, восточном стиле (бурятские, монгольские, китайские, японские)? Происходили ли какие-либо видоизменения прототипических схем декора

в связи с национальностью и культурой владельца дома? Или стиль декора выступал в роли феномена, «усредняющего» и «уровнивающего» художественные амбиции представителей всех национальных меньшинств в рамках единого «государственного» стиля?

Как мы показали ранее, декор деревянной исторической архитектуры Иркутска до сих пор остается не только не изученным, но даже детально не описанным. Но вопросы, которые ждут сегодня ответов, касаются не только художественно-образных аспектов декоративного убранства иркутской деревянной архитектуры. Еще в большей мере они относятся к социально-организационным и социально-политическим сторонам процесса охраны объектов культурно-исторического наследия, затрагивая деятельность администраций города и области. Сегодня в практике городского управления процесс уничтожения и рядовой деревянной застройки, и памятников архитектуры тотально перевешивает процесс сохранения и рачительного сбережения деревянного исторического наследия. Городские власти смотрят на территорию, занятую деревянными историческими домостроениями, лишь как на резерв земли под новую застройку, а не как на «архитектурный антиквариат». И «расчищают» эту территорию под новое строительство часто с помощью тех органов, которые призваны обеспечивать охрану исторического наследия.

Сложно точно установить, сколько иркутских объектов культурного наследия (деревянные здания) были выведены за последние годы Службой охраны объектов культурного наследия областного правительства из списка охраняемых объектов и оказались обреченными на уничтожение? По неофициальным данным, число таких объектов достигает более чем 250 за пять лет. Под давлением каких сил это было произведено? Насколько подобное «выведение» было культурно-исторически обоснованным? Сколько исторических зданий из числа тех, что не подпали под «официальный» приговор, оказались «случайно» сгоревшими «по причине негодной электропроводки». Какое количество пожаров действительно является следствием плохого состояния электропроводки, а сколько результатом целенаправленных поджогов?

Вопросы, ожидающие сегодня ответов, касаются также и методических (методологических) сторон процесса охраны объектов культурно-исторического наследия. Дело в том, что причины разрушения исторической среды в результате уничтожения подавляющего большинства иркутских деревянных зданий, несущих уникальный декор, состоят в том, что эти здания лишены возможности обрести охраняемый статус «объектов культурного наследия» из-за несовершенства методики оценки их уникальности. Подавляющее большинство иркутских деревянных домов не обладает статусом памятника только потому, что кроме уникального декора они не имеют других, необходимых для этого (согласно существующим методикам) характеристик. Как следствие, законодательно они никак не защищены и абсолютно бесправны перед натиском новых владельцев земли, приобретающих ее для строительства с целью извлечения прибыли, а вовсе не сохранения культурного наследия. Сама методика оценки «историко-культурной ценности» зданий и сооружений нуждается сегодня в серьезной корректировке в пользу истории и культуры, а не в угоду тем, кто настойчиво и «мотивированно» добивается выведения вновь выявленных (или «случайно» подгоревших) объектов из списка памятников и тут же бесследно уничтожает их.

Магико-обережный орнамент, покрывающий крыльца, ворота, окна и двери иркутских домов XIX в. и отгоняющий злых духов, не способен защитить от современных демонов обогащения. В конфликте денег и культуры деньги оказываются сильнее – культурно-историческая ценность декоративного убранства фасадов деревянных домов не способна перевесить стоимости земли под ними.

Результаты

Систематическое знание об историко-культурном наследии рядовой исторической деревянной застройки способно коренным образом изменить отношение к массивам деревянной застройки Иркутска, в первую очередь – к его центру: он должен рассматриваться исключительно как реставрируемая, а не сносимая, застройка. Именно так обстоит дело во всем мире, где имеется архитектурный культурно-исторический потенциал, хотя бы отдаленно напоминающий иркутский. Во всем мире малоэтажное усадебное жилье в центре города является самым престижным и самым дорогостоящим типом жилья. Современному Иркутску необходима программа комплексного восстановления деревянной исторической рядовой застройки (приспосабливаемой под современное элитное жилище), обязывающая владельцев сохранять в неизменном виде исторический облик домостроений. Во всем мире ценность архитектурно-исторического наследия научились превращать в деньги, у нас же оно до сих пор лишь «требуется» денег.

Деревянное наследие Иркутска ставит огромное количество социально-исторических, историко-культурных, архитектуроведческих, социально-организационных и даже социально-политических вопросов, ждущих своего сосредоточенного и углубленного изучения. Ответы на них – одно из фундаментальных оснований регионального краеведения, основа сохранения исторической памяти о прошлом народов, осваивавших и населявших Сибирь, основание для формирования и осуществления локальной муниципальной градостроительной политики, базис взвешиваемого и наполненного любовью отношения к стремительно исчезающему культурно-историческому наследию деревянного Иркутска.

Муниципальная градостроительная политика Иркутска должна быть кардинально пересмотрена таким образом, чтобы власть и бизнес смогли извлекать и доходы, и политический капитал из иркутского историко-архитектурного наследия, при этом не уничтожая, а сохраняя, реконструируя, ревалоризируя его.

Выводы

1. Декоративное убранство иркутской гражданской деревянной архитектуры середины XVIII – начала XX в. содержит шесть стилей: пять атрибутируемых по формальным признакам за счет наличия стилистических прототипов в каменной или деревянной архитектуре и один – не атрибутируемый, потому что формы декора не могут быть пока отнесены ни к одному из известных исторических стилей.

2. Основным носителем уникального декора является рядовая (фоновая, средовая) застройка, лишенная статуса памятника в силу несовершенства методики оценки зданий при постановке их на государственную охрану – уникальность декоративного убранства рассматривается в данной методике лишь как второстепенный фактор.

3. Детальное изучение каждого из стилей декоративного убранства деревянной гражданской архитектуры Иркутска предполагает: а) натурную фотофиксацию сохранившихся объектов деревянного зодчества, б) сбор и обобщение архивного и краеведческого материала по утраченным объектам, в) определение примерных (точных) дат возведения зданий за счет нанесения их на карту города и соотнесения с имеющимися точно датированными планами застройки города, г) систематизацию форм декора и выделение типов (видов, подвидов) стилистических элементов, д) выявление характерных мест расположения типических форм на фасадах домостроений, е) семиотическое изучение элементов декора и вариантов их комбинаторики, ж) построение идеальных знаково-символических (смысловых) моделей по каждому стилю, з) сравнительно-сопоставительный анализ реальных объектов с идеальными моделями систем декоративного убранства, и) выявление декоративных ансамблей, составленных из двух, трех, четырех стилей декора, к) объяснение причин возникновения стилей декора,

особенностей генезиса, а также факторов, вызывавших искажения и трансформации художественно-образных черт в местных условиях (в частности, установление «субъекта» декорирования на каждом из исторических этапов развития архитектуры).

Библиография

1. Иркутск деревянный: Альбом-путеводитель / фото И. Бержинского; текст Л. Басиной, А. Гаращенко, И. Калининой, Е. Ладейщиковой. – Иркутск: Земля Иркутская, 2010. – 160 с.: ил.
2. Клейн, Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества /Л.С. Клейн. – СПб: Евразия, 2004. – 480 с.
3. Матвеева, А.А. Влияние культуры Востока на декоративное убранство гражданской архитектуры г. Иркутска начала XVIII – конца XIX в.: науч.-исслед. историко-теоретич. дипломная работа [Рукопись] / А.А. Матвеева. – Иркутск : Иркутский гос. тех. ун-т, 2010. – 120 с.: ил.
4. Рыбаков Борис Александрович [Электронный ресурс]// Википедия: свободная энциклопедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыбаков,_Борис_Александрович
5. Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – 589 с.
6. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 790 с.
7. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука. 1994. – 610 с.

Статья поступила в редакцию 09.05.2013

© Меерович М.Г., 2013

THE SIX STYLES OF WOODEN IRKUTSK: SIBERIAN BAROQUE, CLASSICISM, MODERNISM, UNATTRIBUTED FORMS. Part II

Meerovich Mark G.

DSc (History), PhD (Architecture), Professor,
Irkutsk State Technical University,
Irkutsk, Russia

Abstract

The subject-matter of this article is the stylistic features of the decorations on the wooden civil architecture of the city of Irkutsk dating back to the 18th–19th centuries. The purpose of this study is to identify the main styles and their characterisation, provide visual examples, and describe peculiarities – the availability of decorative ensembles composed of several styles and the presence of unique compositions which may not be attributed to any of the styles. The method of the study is photography and ordering on the basis of repeat visual characteristics and comparison with stylistic prototypes. The article is essentially a statement of the problem, and its output is a formulation of issues in in-depth and thematically focused study of individual aspects in the genesis and form of the decorations in Irkutsk wooden architecture. The material of the article may be used as a basis for reviewing the list of Irkutsk historical and cultural heritage.

Key words:

wooden decor, architectural styles, wooden architecture, architecture of Irkutsk

References

1. Wooden Irkutsk. Album/Guidebook. (2010). Photo by I.Berzhinsky, text by L.Basina, A.Garashchenko, I.Kalinina, E.Ladejshchikova. Irkutsk: The Land of Irkutsk.
2. Klein, L.S. (2004) The resurrection of Perun. On the reconstruction of eastern Slavonic paganism. Saint-Petersburg: Eurasia.
3. Matveyeva, A.A. (2010) The influence of oriental culture on the decoration of the early 18th – late 19th century civil architecture of Irkutsk: a historical theoretical research graduate essay [Manuscript]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
4. Rybakov Boris Alexandrovich. Wikipedia. The free encyclopaedia. [Online] Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Boris_Rybakov
5. Rybakov, B. A. (1982) Kievan Rus' and the Russian princedoms of the 12th–13th centuries. Moscow: Nauka.
6. Rybakov, B. A. (1987) The paganism of ancient Russia. Moscow: Nauka.
7. Rybakov, B. A. (1994) The paganism of the ancient Slavs. Moscow: Nauka.